Понимая, что сам по себе он уже стал помехой, Серджио опередил любой возможный ответ. С привычным обаянием он попытался смягчить ситуацию. Его светлые глаза и кудрявые волосы двигались в такт дыханию. По крайней мере, казалось, что в этот раз он не собирается говорить ничего странного.

— Ладно. Приятного ужина.

— Я уже поел. Мы возвращаемся в отель.

Дэниел уже собирался проводить его и увести Алека. Но запоздалая реплика воплотила его дурное предчувствие в реальность.

— О, Дэниел.

— Что?

— То предложение всё ещё в силе.

— …

— Увидимся?

Это было похоже на едва заметное движение хвоста невидимого хищника. Уходящая фигура Серджио напоминала крокодила, медленно плывущего против течения.

Это тихое существо игриво укусило Дэниела, даже не осознавая остроты своих зубов. Нервный взгляд Дэниела сам собой скользнул к человеку рядом. И, как и ожидалось, лицо спонсора, ещё недавно такое спокойное и оживлённое, теперь было тёмным, как пепел.

Он сам не понял, как добрался до отеля. Плечи, ещё недавно лёгкие во время прогулки, теперь казались тяжёлыми, и хотя он догадывался о причине, предпочёл её игнорировать.

И всё же это не давало покоя. Он всего лишь поздоровался с тем, кого знал ещё со времён юниорских формул — почему же тогда всё ощущалось именно так?

— Похоже, вы с господином Серджио ближе, чем я думал.

И почему ему вообще пришлось это услышать?

Дэниел почувствовал в голосе Алека колючесть, словно заросли терновника. Алек, сидевший на капоте Porsche после того, как вышел из машины, смотрел на него с явным неодобрением.

— Не понимаю, из чего вы сделали такой вывод.

— Когда у двух людей есть тайный разговор, понятный только им двоим и исключающий слушателя, это означает, что они не так уж далеки друг от друга. Можешь возразить, если хочешь.

— Не буду. Думай как хочешь.

— Ferrari делала предложение о переходе?

Слова, которых боялся Дэниел, легли перед ним, как счёт к оплате. Голос Алека был настолько жёстким, что Дэниелу показалось, будто он оказался в зале суда. И пока Алек произносил

слова, словно ударяя судейским молотком, Дэниел инстинктивно принял оборонительную позу, будто готовился защищать свою позицию.

— Нечего сказать.

— Просто проверяю, но это ведь, правда, да? Это бизнес, я понимаю, но немного задевает.

— Задевает?

— Ты менее этичен, чем кажешься. Если уж хотел обсуждать условия контракта со спонсором прямо у него перед носом, хотя бы не попадайся.

Дэниел непроизвольно сжал кулак, уловив в пронзительном взгляде Алека едва заметное чувство предательства. Это было почти смешно. Этика? И кто ему читает лекции об этике? У Дэниела было что на это ответить, но он сдержался.

— Странно это слышать. Понимаю, ты хочешь выставить меня оппортунистом, но это я здесь тот, кого задели. Кто не отправил контракт Featherway?

— …О чём ты?

— Можешь прикидываться сколько угодно, но первым предложение сделал Ferrari. Ты вообще не в том положении, чтобы говорить, что тебя задели.

— Значит, тебе всё-таки пришло предложение о переходе.

Голос Алека, который до этого будто держался на нотах соль-фа-ми, опустился до до. Теперь это было почти рычание.

— Значит, ужин с господином Серджио был ради этого? Чтобы сблизиться с будущим напарником?

— Заткнись, серьёзно.

— Господин Дэниел.

— Что, хочешь знать, о чём я говорил с Серджио Мильштейном?

Теперь уже Дэниел сам стал колючей лозой. Его острые красно-коричневые глаза метнулись к Алеку, как ловушка на охоте.

— Ладно, скажу. Он сказал быть осторожнее: спонсорам нельзя доверять, а секретарь Алека Уокера копается в моих делах и делах Джошуа.

— …

— Доволен? Теперь мой вопрос. Зачем ты лезешь в мою жизнь?

Чёрт. В тот момент, когда Алек понял, что наступил на мину, с его губ сорвалось низкое ругательство.

Дэниел почувствовал дешёвое удовольствие от того, что выбил его из колеи, но это лишь подлило масла в огонь. Значит, Алек действительно копался в его делах.

Ярость Дэниела нарастала, как градиент.

— Кто тут вообще играет нечестно? Это ты отправляешь своего секретаря копаться в моей жизни, задерживаешь контракт, а потом ещё и насмехаешься над напарниками. И ты думаешь, у тебя есть право на это?

— Господин Дэниел.

— Как можно быть настолько бесстыдным…

— Я отправил контракт.

Словно в рот ему разом запихнули десяток камней.

Дэниел осёкся на полуслове и впился в него взглядом.

— …Что ты сказал?

— Я и говорю. В чём недоразумение?

Взгляд Алека, не менее жёсткий, не стал мягче. Его брови, скомканные, как ноты стаккато, не желали расслабляться.

— Я отправил контракт Featherway, как и обещал, после проверки. Была какая-то ошибка?

— Не может быть. Я проверял несколько раз. Это ты…

— Это не могло быть упущено. Мартин такими вещами не занимается. Мне месяц назад сообщили, что контракт отправлен и в бумажном, и в электронном виде.

Алек, сдерживая вспышку гнева, отвечал спокойно. Но по мере того как он говорил, раздражение только росло, и он, не спрашивая, достал из пачки сигарету и закурил.

Раздражение в его словах ударило по Дэниелу, как резкий запах.

Дэниел хотел спорить, но почему вообще злится Алек? Обычно Дэниел, возможно, даже оценил бы попытку Алека объясниться, несмотря на злость, но сейчас его голова была забита горькими мыслями. Сарказм вырвался сам собой.

— Ну конечно. Разумеется. У твоего секретаря такая безупречная работа, поэтому он и послал кого-то копаться в моих делах. Для тебя бизнес-этика важнее обычной этики.

— …

Дэниел понимал, что злость делает его аргументы нелогичными, но остановиться уже не мог. Это было похоже на короткое замыкание в спутанных проводах его сознания.

Беспечные поступки, создание проблем, а затем внезапная «доброта» без причины. Тайные проверки за спиной, заявления о том, что контракт отправлен, и втягивание в это его брата и друзей. С чего вообще начинать злиться на такого человека? Чего он вообще хотел?

— Ты говоришь, что отправил контракт, а я говорю, что не получал его. Значит, один из нас врет. Как думаешь, кто именно?

— Ты, скорее всего. Ты лично проверял, что контракт не пришел? Уверен, что твой агент ничего не напутал?

— Эй!

— Не повышай голос.

Когда заранее заготовленная «вежливость» Алека иссякла, его манера поведения заметно испортилась.

— Я думал, ты не подписываешь, потому что изучаешь условия. Я предполагал, что ты сравниваешь их с предложением другой команды… и ты еще спрашиваешь, почему я не отправил контракт?

— …

— Просто скажи, что рассматривал переход в Ferrari. Я устал слушать этот бред.

— Бред?

— Да, я действительно поручал секретарю разобраться с тобой. Приношу извинения за то, что он допустил ошибку. Но ты всегда так себя ведешь?

Несмотря на резкий смешок, лицо Алека было смято, как газета, в которую завернули блюдо.

Стряхнув пепел, он смотрел прямо на Дэниела.

— Когда ты не хочешь отвечать, ты всегда вот так переворачиваешь всё и уходишь от вопроса?

Его отполированное лицо извергало высокопарную чушь.

Дэниел засунул руки в карманы, чтобы случайно не вскинуть их в ответ.

Он выбрал сегодня не того человека. Ему следовало поужинать одному. Если бы мог, он бы отмотал время ровно на три часа назад.

— Похоже, это ты у нас драматичный, сэр.

— …

— Кто мне близок, с кем я общаюсь или даже с кем я враждую — тебя это не касается.

Слова, ставшие платой за то, что он терпел бред Алека, были холодными, как кость, пронзающая плоть.

Настроение Дэниела, рухнувшее в одно мгновение, разлетелось вдребезги. Его слова, движения и взгляд стали острыми, как осколки стекла.

По сравнению с ним Алек Уокер почти не изменился. Не дрогнув от уколов Дэниела, он даже не стал жаловаться на то, что зря тратит свое драгоценное время.

Вместо этого, с ожесточенным взглядом, он затушил сигарету о капот Porsche и поднялся.

— Ладно, как скажешь.

Смятая сигарета покатилась по мрамору.

— Тогда найди пропавший контракт, подпиши его и отправь обратно или ищи другую команду. Я с этим детским спектаклем закончил.

И всё.

Вернувшись в свою комнату, Дэниел тщательно вымылся, забрался под мягкое одеяло и попытался уснуть.

Но даже утром, несмотря на свежий солнечный свет, настроение было хуже некуда. Пока он сушил волосы после душа, ссора с Алеком Уокером снова и снова прокручивалась в голове, выворачивая желудок.

Гнев закипал в груди.

Это было не беспокойство из-за плохого самочувствия или неисправного болида. В спину вцепилось более первобытное чувство.

Даже после утренней тренировки и разговоров с напарниками вчерашний диалог продолжал всплывать, заставляя мысленно вытащить Алека Уокера из памяти, схватить за воротник и накричать.

Он даже потерял аппетит. А ведь ужин прошлой ночью был таким вкусным.

Дэниел заставил себя поесть из чувства долга, затем приехал на трассу гораздо раньше обычного. Инстинкт подсказывал ему, что ему не стоит оставаться одному.

http://bllate.org/book/17841/1739213